

Цепной Пёс

— ◆ — АВА АРНЕЛЛ — ◆ —

18+

Ава Арнелл

Цепной пёс

«Автор»

2026

Арнелл А.

Цепной пёс / А. Арнелл — «Автор», 2026

Сарина Элвери застряла в безрадостном браке и каждый день сходит с ума от одиночества и страха. Единственная её поддержка — подруга Ренна, чья жизнь неожиданно меняется после встречи с загадочным псом. Спасённое животное приносит в их быт неведомую магию, превращая привычную реальность в череду странных совпадений и непростых выборов. Где прячется настоящая свобода — среди лжи и боли, или в странном, пугающем чуде, пришедшем в самую безнадёжную ночь?

© Арнелл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ава Арнелл

Цепной пёс

Пролог

*Часовой на границе света и тьмы не выбирает себе цепь —
но выбирает, за кого будет рвать её*

Ава Арнелл

В Миранписе осень всегда приходила рано. Дождь скользил по окнам мелкой сеткой, люди спешили мимо с зонтиками, будто старались выскользнуть за пределы этого немного угрюмого города.

Сарина Элвери мёрзла на крыльце галереи Силл-Гал — невысокая, тонкая, с тёмными волосами и привычкой прижимать ладонь к шее, когда нервничала. Она была терпеливой, тихой, из тех, кто лучше слушает, чем говорит. За долгие годы научилась быть удобной, не мешать, быть почти невидимой для чужих.

Из дверей галереи вылетела Ренна — рыжая, быстрая, с веснушками и упрямой улыбкой. Она всегда умела поднять настроение, даже когда весь город сливался в серую лужу. — Вот бы день закончился хотя бы раз без дождя! — воскликнула она и весело взяла подругу под руку. — Если бы не я, ты бы тут совсем застоялась и превратилась в старую афишу.

Сарина улыбнулась — просто и по-настоящему. — Хорошо, что ты есть. Иначе на этом крыльце точно проросла бы мхом.

— Кто-то же должен поддерживать тебя в рабочем состоянии, — фыркнула Ренна. — Пошли в Гранат, у меня сегодня настроение на сладкое и жалобы на жизнь!

Кафе Гранат у перекрёстка давно стало для них привычным убежищем. Бархатные кресла, чуть потёртые столы, жирные пирожные и официантка с вечно недовольным выражением лица. Здесь можно было спрятаться даже от самой промозглой погоды.

— Честно, — начала Ренна, когда они уселись у окна, — сколько раз сегодня хотелось всё бросить и уехать на край света?

Сарина порывисто вздохнула и задумалась. — Много, — наконец ответила она, ковыряя ложкой пенку в чашке. — Но Ярл считает, что у меня слишком много фантазий. Для него всё должно быть просто: работа, дом, порядок. И никаких отклонений.

— Угу, только вот счастья у вас в этих формулах нет, — пожала плечами Ренна. — Ты у него не супруга, а пункт в списке дел. Хочешь, я его на полставки в музей возьму? Пыль с экспонатов сдувать будет идеально.

Сарина хмыкнула, чуть смущённо улыбнулась. — Ну хоть какая-то польза был бы.

В их диалоге всегда сталкивались лёд и огонь. Ренна — открытая, насмешливая, не боится сказать лишнего; Сарина — осторожная, скрывает усталость и настоящие чувства, но с ней рядом словно учится дышать свободнее.

— Просто... сложно это всё, — добавила Сарина. — Я иногда сама не понимаю, зачем мы вместе. Но менять что-то страшно.

Ренна взглянула на неё мягче, даже без привычной иронии. — Не хочу никого обижать, но ты заслуживаешь большего. Я знаю, тебе тяжело решиться — поэтому буду хотя бы сырниками и дурацкими шутками спасать.

— Ты умеешь хотя бы на время растопить мой ледяной кокон, — поблагодарила Сарина.
— Может, когда-нибудь я тебя и правда послушаю. Только не в этот вечер.

Вечерний город будто растворился в дождливой пелене. Фонари тянулись редкими островками света между длинных, влажных улиц. Возле парка подруги распрощались: Ренна хотела подбросить Сарину, но та решила прогуляться пешком — проветрить голову, почувствовать хоть немного свободы.

— Осторожнее, а то в такую погоду город может заглотить и не подавиться, — пошутила Ренна. — Вдруг тебя в лужах кикмары схватят.

— Не волнуйся, мне опаснее дома, — улыбнулась Сарина в ответ. — А тебе не гони, смотри по сторонам.

— Обещаю быть пай-девочкой за рулём, — театрально отдала честь Ренна. — А если встречу принца, обязательно тебя приглашаю на свадьбу!

Они рассмеялись, и тихий шорох дождя стал вдруг приятней.

Ренна залезла в машину, громко выдохнула, откинулась на спинку сиденья. Она ехала медленно, чуть уставшая, но настроение старательно поддерживала смехом — то бурчала на радио, то обсуждала с самой собой, кто достоин премии за худший день месяца.

В этот момент что-то большое и светлое мелькнуло в свете фар. Сердце ухнуло вниз — Ренна даже не успела толком среагировать, как грянул резкий удар, машина дёрнулась, затихла.

Трасса вдруг опустела, и только дождь выстукивал о капот частую тревожную дробь. Ренна замерла, не веря, что это случилось на самом деле.

На чёрной дороге, посреди ночи, появлялась первая трещина между миром обычным и чем-то странным — и с этого началась новая история.

Глава 1

Вслед за захлопнутой дверью по коридору прокатилось тяжёлое эхо. Сарина переступила порог, сразу почувствовав знакомый запах: немного кофе, старой бумаги и едва заметный аромат одеколона Ярда. Она медленно сняла пальто, чтобы не зацепиться случайно за что-то — всё в их доме было расставлено ровно так, как он привык. Здесь нельзя было шуметь или что-то передвигать без особого разрешения.

Свет в коридоре был включён, тёплый и слишком жёлтый. Ярд вышел с кухни, опираясь о косяк, в руках — стакан с тёмным напитком. Его лицо сразу напряглось, как только он услышал её ключи в замке.

— Который час, Сарина? — Голос ледяной, слова точные, как удар током.

Женщина молча повесила пальто и только после этого спокойно сняла шарф, чтобы не усложнять сцену. — Было много работы... Потом с Ренной зашли в кафе. Я тебе писала, — пытаюсь говорить ровно, почти тихим тоном.

Он не слушал. — Тебя не трудит мысль, что у тебя есть муж? Ты помнишь, кто тебя кормит, да? Или Ренна заменила тебе всё — от подруг до семьи?

Сарина старалась двигаться как можно медленнее, чтобы не привлечь на себя этот липкий, раскалённый взгляд. Каждый шаг, каждое слово теперь было похоже на хождение по стеклу.

— Я не делаю ничего плохого, Ярд, — тихо ответила она.

Он шагнул ближе, поставил стакан на полку в один приём, будто собирался оставить там нечто неважное.

— Конечно, не делаешь, — его губы исказились в улыбке, но в ней не было ни малейшей доброты, только жёсткая отметина ревности. — Ты же у нас вся такая правильная, верная. Только вот глаза твои не умеют врать! Ты домой — ночью, пахнешь чужими духами, ходишь расфуфыренная. Ты думаешь, что я дурак?

Он шагнул к ней, взял за подбородок, сжал слишком сильно — кожа под его пальцами побелела, нестерпимо заныло. Сарина попыталась отвернуться, но Ярд стиснул ладонь крепче.

— Скажи мне по правде, — почти прошипел он, — где была? С кем?

— Я же сказала... — вдохнула Сарина, но в этот момент почувствовала, как его рука сползает к горлу. На секунду ей стало трудно дышать: короткое, судорожное усилие, и она уже прижата спиной к стене, рядом, возле выключателя.

В его лице было что-то незнакомое — не просто привычная мрачность, а густое, хищное недовольство.

— Ты моя жена, Сарина. Или ты уже забыла? — он сжал её ещё крепче, губы почти прижались к уху. — Хочешь, чтобы я любил тебя — так это делается не так. Не для этого я держу тебя рядом! Или я ошибся?

Взглядом он прожигал, ждал — чего? Заплаканных глаз? Испуганного покорного согласия? Она молчала, руки бессильно упали вдоль тела. В груди будто рушились тонкие прутья.

Ярд вдруг зашёл с другой стороны; его дыхание стало горячим, липким, рука по-прежнему была тяжёлым кольцом на её горле. Он резко потянул её ближе и жадно поцеловал — не для тепла, а из желания доказать своё, настоять на власти, заткнуть любую её иную правду.

Другой ладонью он с силой сжал её бедро, резко дернул платье вверх, пальцы заскользили по голой коже. Пахло его духами — резкими, режущими, всё рядом с ним казалось чужим, комнату залило мертвенно-желтым светом.

— Так? — цедил он сквозь зубы. — Ты только для меня, ясно? Я могу брать всё, что моё.

Он вдавил её плечами в стену, целовал грубо, прижимая так, что обоим под затылком зашуршали, всё происходящее становилось невыносимо ярким и одновременно каким-то отда-

лённым. Ткань платье натянулась, сползла с плеча — его движения были нервными, резкими, напоминали скорее попытку сломать, чем соединиться.

Сарина безмолвно, будто выключив звук внутри, смотрела сквозь него в тугую пустоту между ними. Она чувствовала — тело реагирует только страхом, неприятной скованностью, сердце стучит сбито, губы бессильно разжимаются под чужим напором.

— Посмотри на меня, — приказывал Ярд, хватая её за затылок крепкими пальцами. — Не отворачивайся! Почему ты делаешь вид, что тебя нет?

Он тянулся к ней, искал ответ в глаза, целовал так, что казалось: хочет отыскать там доказательство своей власти, вернуть что-то утраченное — то, что не мог получить силой. И, вдруг увидев в её взгляде тусклое, холодное отчуждение, будто дверь захлопнулась, а за ней нет больше ничего для него — замер.

На одну долю секунды между ними повисла жестокая пустота. Он выругался сквозь зубы, ударил её ладонью по лицу так, что скулы отозвались тупой болью. Сарина упала на пол, ударившись плечом, выронила последний вздох.

— Так будет всегда, если ты будешь меня игнорировать, — бросил Ярд и отвернулся, не взглянув больше в её сторону. Молча вышел из холла и скрылся за дверью спальни, громко щёлкнув замок.

Сарина осталась сидеть на полу, прижавшись к стене, не зная, что ей больнее — щека, горло или та часть себя, которая снова сдалась.

Она долго просто сидела, прижимая к ушибленному месту ладонь, слушая, как в трубах ворчит вода. Вся ночь прошла в полусне: над ней висели злые тени, а небо за окном тяжело стучало дождём.

Утром в квартире стояла тишина. Ярд собирался, не глядя на жену. Был одет с иголки, чемодан у двери — строгий, как надгробие.

— Мне надо срочно уехать. Дела. — его голос был сухим, безразличным.

— Надолго? — Сарина спросила это слишком буднично.

— Неделя. Может, две. Неизвестно, — он пожал плечами, душно глядя в сторону.

Она кивнула. Никаких вопросов — только тихое вздрагивание в груди. Где-то в мыслях кипело: у него кто-то есть. Она ведь уже не раз ловила на обрывках чужого парфюма на его одежде, на задержках в телефоне, на слишком частых командировках без объяснений. Только доказать ничего не могла.

— Постарайся не устраивать беспорядка, — сказал он на прощание. — И не приглашай своих шумных друзей.

Когда за ним захлопнулась дверь, Сарина вдруг позволила себе выдохнуть по-настоящему — громко, болезненно, по-живому. В коридоре пахло его одеколоном и чем-то чужим. Она стояла одна посреди квартиры, которая была ей как клетка.

За окном город умылся дождём; внутри царил тишина и ощущение, будто невидимая стена вдруг раздвинулась на миллиметр, впуская холодный, но новый воздух.

Асфальт под дождём светился холодом — крупные капли отбивали едва заметные круги под редкими фонарями. Когда удар стих, Ренна застыла за рулём, не сразу осознав, что произошло. Сердце забилося под горлом: неужели только что она кого-то сбила?

Только спустя несколько секунд она очнулась и выскочила на улицу, хлопнув дверью. На мокром асфальте, прямо в свете фар, лежал огромный белёсый пёс, не похожий ни на одну городскую собаку. Он был весь в грязи, с заметными жёлтоватыми пятнами и странными отметинами на боку.

— Ну и влипли мы с тобой, — пробормотала Ренна, чтобы хоть как-то отдышаться, и отпихнула мокрые волосы со лба. — Как же ты так...

Она осторожно провела ладонью по голове пса, потом по шее и вдоль спины, проверила лапы. Шерсть оказалась густой, местами спутанной, но ни крови, ни ран, ни ощутимых переломов, ни стонов — ничего такого не было, что она ожидала найти. Только тёплое, частое дыхание, и глаза, которые открылись и смотрели прямо на неё — спокойно, будто понимая больше, чем должны.

— Ну давай, живи, не пугай меня... Как же ты умудрился попасть под колёса?

Она снова на минуту огляделась — абсолютная ночь, ни души. Связаться с ветеринаром этой ночью невозможно, телефоны молчат, вокруг только дождь и асфальт.

Ренна не стала рассуждать долго. Она расстелила в багажнике старый плед и с трудом втокнула собаку внутрь — пёс не сопротивлялся, едва заметно моргнул и, кажется, даже попытался поджать лапу, чтобы не мешать ей. — Вот и ладушки, красавец, — тихо выдохнула она. — Сейчас тебя отмою, накормлю, а завтра — к доктору, разберёмся.

Квартира встретила её светом в коридоре и уютной неряшливостью: стопки книг на диване, чашки со вчерашним чаем, пара раскрашенных бокалов на полке. Она вытащила пса из машины, завела домой, устроила на старом ковре у батареи.

Пёс лежал, тяжело дыша, морда на лапах, время от времени чуть приоткрывая глаза, будто следил за каждым её движением.

Ренна металась по комнате: — Сейчас, подожди, не умирай! — суежилась она, роясь в аптечке. — Так, градусник... куда его совать собакам?! Стоп... нет, к чёрту, просто потрогать нос. Нос был тёплым, влажным — вроде норма.

— Ну вот, тебе сейчас отдых нужен больше всего, — говорила она, улыбается криво. — Хоть бы ты загавкал что ли... или хвостом махнул. Пёс не отвечал, только медленно моргал.

Ночью Ренна почти не спала: сидела на полу рядом с незнакомцем, поглаживала его по боку, вслед за каждым вдохом прислушивалась — не стало ли хуже, не проявятся ли вдруг скрытые раны. Она перебирала в памяти детские советы: "Проверь уши, лапы, нос..." Смотрела, нет ли скрытой боли. — Вот ведь влипли, — проговорила она чуть громче, когда часы показали уже за полночь. — Если ты завтра проснёшься, я точно решу, что удача ещё умеет улыбаться!

От усталости, смешанной с беспокойством и неожиданной нежностью, на глаза наворачивались слёзы. Она несмело взялась за его лоб, прижалась лбом к широкой морде.

К рассвету, когда город стал ещё дождливей, а мысли путались, Ренна уронила голову на лапы собаки и, засыпая, прошептала: — Ты только держись, ладно?

Утро в Силл-Гал начиналось не с потока посетителей, а с озноба: влажные стены галереи пахли старой штукатуркой, масляной краской, чуть прелыми каталогами. За мутным стеклом моросил привычный, вязкий дождь, редкие прохожие отражались измятыми тенями.

Сарина пришла первой, как будто боялась оказаться лишней в собственном рабочем дне. На ней был аккуратный светло-серый свитер, ворот поднят, чтобы скрыть синяк на шее; под глазами — тень, не замазанная даже самым стойким корректором. К чашке с чаем она не прикасалась: просто держала её ладонями, как будто согреваясь раз за разом, хотя тепло убегало сквозь пальцы куда-то мимо.

В пустом зале её дыхание казалось слишком громким. Сарина молчала, время от времени поджимая плечи, будто от непрошеного ветра.

Вскоре дверь распахнулась — вбежала Ренна, разметав волну дождя с плеч, чуть раскрасневшаяся, запыхавшаяся, но всё равно — упрямо живая. Она сбросила куртку, огляделась, нашла взглядом подругу.

— Доброе утро... — голос прозвучал как-то осторожно, мягче, чем обычно. — Ты рано сегодня.

Сарина чуть улыбнулась, но усталость в её взгляде была тяжелее слов.

— Да, просто... не спалось, — ответ прозвучал слишком быстро. Она отхлынула взглядом к окну, к прохожему в тёмной куртке на улице.

Ренна села рядом, привычно стянув руку на плечо подруги, не давая ей окончательно уйти в себя.

— Всё нормально?

Сарина промолчала, долго смотрела в стену напротив. Ладонь, прижатая к шее, чуть дрожала — едва заметно, но Ренна знала такие мелочи наизусть. Она не стала спрашивать о Ярде — взгляд Сарины говорил громче любого рассказа: усталости больше, чем силы, чувства прячутся в глубине, как рыбы от громких стуков.

— Я... тоже не спала, — тихо сказала Ренна, словно пытаясь перебросить тонкую невидимую нить между ними. — Влипла вчера. Но, честно, для отчаянной подруги всегда есть время и сырники.

Сарина впервые за утро немного ожила — усмехнулась одними уголками губ.

— Я бы всё отдала за день, когда ничего не болит и никто не орёт...

Ренна чуть сильнее сжала её плечо, мягким голосом сказала:

— Ты не обязана всё терпеть, знаешь? Даже когда кажется, что выбора нет.

Над ними затихли холлы, дождь барабанил по стеклу. Медленно, как после долгой зимы, в их утре начало пробиваться что-то похожее на тепло: у Ренны в руках возник термос с горячим чаем, они вдруг оказались плечом к плечу за стойкой ресепшн, и разве что не шептали в темноте, озвучивая друг другу свои безмолвные нужды.

Ни одна из них не решилась говорить правду вслух, но в этой хрупкой тишине было гораздо больше поддержки, чем в десятках пустых фраз.

Тишина между ними повесла тонкой, вибрирующей ниткой — чуть тронь, оборвётся. Ренна краем глаза заметила, как Сарина каждый раз неловко натягивает ворот свитера, пальцы соскальзывают к шее, чуть подрагивают. Там, где тень отложилась неудачно, проступал еле заметный синяк — чужая рука, чужая правда, которую так просто не сдать в гардероб.

Ренна прикусила губу, мельком взглянула на Сарину. В ней вскипела смесь протеста, жалости и злости на того, кто мог сделать с её подругой так.

— Сари, — тихо, без обычных подначек проговорила она, — это он?

Вопрос прозвучал несмело — не как обвинение, а как желание хотя бы дотронуться до боли, чтобы стало немного легче.

Сарина медленно выдохнула, глаза скользнули куда-то за плечо Ренны, к тёмному стеклу дверей. Она попыталась скривить губы в улыбке — вышло неубедительно.

— Не важно, — прошептала она, — всё в порядке. Я просто... неудачно задела что-то на кухне. Бывает.

— Не ври мне, — почти шёпотом произнесла Ренна, мягко, но упрямо. — Только не ты.

Сарина держалась, как умела — прижимая к шее ладонь, будто так можно стереть не только ссадину, но вообще всю историю боли. В её голосе крепко сидели осторожность и усталость:

— Знаешь... иногда кажется, что проще притворяться, что всё нормально, чем признаться, что давно уже не так. Что я не умею уходить, — она растерянно улыбнулась, защёлкнула ногтем на чашке крошечный осколок.

Ренна накрыла её руку своей — крепко, почти властно, но с заботой:

— Ты не обязана оставаться там, где больно, — сказала она очень серьёзно, — даже если страшно остаться одной. Я рядом, слышишь? Если понадобится — уедем хоть в другой город, хоть на край маяка, но больше никто не поднимет на тебя руку.

На глаза Сарины накатили слёзы, но она едва заметно их смахнула, не позволяя им пролиться вовсе. Достаточно было того, что Ренна рядом и говорит именно так, как хочется услышать в самый плохой день.

— Спасибо, — только и смогла выговорить она.

Ренна заметила, как подруга чуть осунулась, и, не давая тишине захватить их снова, встрепенулась, натянув на лицо самую заразительную улыбку, какую смогла выдавить.

— Кстати! — неожиданно весело бросила она, — если думаешь, что у тебя странные дни, я могу поспорить на всё меню Граната, что у меня их больше. Ты же не поверишь, что вчера ко мне домой вселилось нечто совершенно необычное!

Сарина вскинула брови — впервые за утро в её глазах мелькнул настоящий интерес, а не усталость.

— Только не говори, что завела очередную коллекцию пауков... — попыталась поддразнить она.

— Да какие там пауки! — отмахнулась Ренна, театрально закатила глаза. — Я теперь владелица... самой крупной диковины на районе. Нет, ну правда — ты когда-нибудь приводила домой такую тушу, что даже плед великоват? И взгляд... будто в нём весь миранписский ноябрь уместился.

Сарина рассмеялась, чуть расслабилась.

— Ты опять про чудесных гостей для своей безумной однушки?

— Во-первых, не однушка, а галерея творческого хаоса, — заявила Ренна, — а во-вторых... у меня там сейчас очень важный, ну, как бы это ни звучало, волчий вопрос. Огромный белый пёс! Нет, не привидение, — она многозначительно понизила голос, — а животное размером с половину твоей кухни. Я его вчера сбила, и теперь мы временно живём вдвоём. Пожалуйста, скажи, что согласишься прийти — не могу быть единственным свидетелем его космического голода!

Сарина покачала головой, улыбаясь уже почти искренне.

— Думаю, это судьба... Муж как раз снова упорхнул на свои дела. Неделя тишины, да и мне не вредно проверить твою галерею чудес своей строгой музой.

— Вот и отлично! — хлопнула ладонями по столу Ренна. — Пусть Ярл ищет свои приключения, а мы сами себе устроим праздник. Клянусь — накормлю, напою, покажу все спецэффекты и научу гладить собак правильной стороной. Только давай договоримся сразу: никакой грусти, только чай, пироги и, возможно, случайные разговоры о счастье.

Сарина вздохнула — уже легче и спокойней, чем утром, чувствуя, что внутри где-то разжимается затаённый комок тревоги.

— Договорились, — мягко кивнула она. — Мне действительно давно этого не хватало.

День потёк дальше привычной чередой дел. Кто-то спрашивал про картины из внутренней тьмы, пенсионер просил скидку на старую гравюру, студенты пришли подзарядиться атмосферой для диплома. Персонал галереи спорил о цветах для витрины. Ренна крутилась между залами, шутя с посетителями и незаметно поглядывая на Сарину — та ловила себя на том, что улыбка появляется сама собой, а напряженность потихоньку уходит.

Суэта затягивала, и дождь за окнами становился уже не разрушительной стеной, а просто аккомпанементом пережитого дня: привычного, но с лёгкой примесью чего-то нового и обещающего.

Глава 2

В спальне Ренны было тихо — не потому, что город затихал, а потому, что здесь тишина была важной частью жилья. Дождь доносился сквозь приоткрытое окно, сливаясь с глухим эхом голосов за стеной. Тут всегда пахло чем-то тёплым — немного шерстью на пледе, чуть выдохшимся сиропом из чашки, чёрным хлебом и старой бумагой. Стены увешаны мягкими иллюстрациями, выцветшими афишами старых выставок, местами вкривь и вкось — будто самой хозяйке нравилось, когда всё не слишком ровно. На полке — десятки разноцветных кружек, среди них — одна с погрызенным краем. Одеяла были сброшены на кресло, по полу рассыпались книги, как будто здесь кто-то по ночам искал ответы.

Пёс лежал, уткнувшись носом в ткань, и медленно, тяжело втягивал воздух. В слабом полудне он казался чужой деталью среди уютного хаоса — огромный, неуклюжий, но как будто специально вписанный в этот беспокойный интерьер.

Где-то внутри, за тяжёлой завесой сна, шептал голос. Не человеческий, но и не совсем чужой.

«Орл ошибся», — тянул он, настойчиво и спокойно. — «Ты был нужен для другого. Ты поймешь это слишком поздно, к тебе придут не за телом, а за выбором. Всё равно наступит».

Пёс замер. Он попытался вспомнить ночь — смутное, ослепительное жёлтое пятно фар, резкий запах страха, тепло рук и грубый запах где-то на границе памяти. Всё остальное рассыпалось в дымку. Только образ девушки остался светлым пятном — смех, тревога, голос, в котором звучала не команда, а что-то похожее на просьбу: «Держись...»

Он оглядел комнату. Всё казалось странным: мягкая картонка под головой хрустела иначе, чем мох или снег; в углу — дождевик, пахнувший свободой. Запахи вплетались друг в друга: чуть знакомые, чуть пугающие. Здесь не было ни стыда, ни страха — только медленное ожидание.

Голос внутри не умолкал.

«Орл не понял, что нельзя выбирать только из страха. Всё равно заплатишь. Всё равно придётся выполнить то, что наложено. Никто не сможет сбежать из своей цепи — даже если кажется, что она оборвана».

Пёс устало вздохнул, и живот слабо дрогнул под тяжестью неизвестности. Что-то впереди шевелилось — не угроза, а обещание нового круга, нового выбора. Он прижался лбом к пледу, слушая: как ползёт дождь под окном, как потрескивают доски пола, как где-то в глубине квартиры разносится отголосок чужой, пока доброй, жизни.

А внутри возвращалось только одно: «Ты здесь не по ошибке. Не зови себя спасённым».

Рабочий день закончился незаметно — залы галереи опустели, последние посетители захлопнули за собой тяжёлую дверь. Сарина накинула шарф, спрятала усталое лицо за улыбкой — на этот раз чуть более настоящей. Ренна размахивала ключами, точно дирижёр: — Всё, миссис Элвери, ваш золотой билет в светлое будущее готов! Садитесь в карету, сейчас везу вас в страну чудес.

Они забрались в терпеливо ждущую у тротуара синюю машину, мокрые стекла покрылись разводами от редких прохожих и мигающих фар. В салоне пахло невыветренной мятой и чем-то беспечным — наверное, дружбой, которая всё ещё умела пахнуть детством.

— Нужно заскочить за подкреплением, — бодро сказала Ренна, сворачивая на узкую улочку с круглосуточным магазином. — Весёлые приключения не терпят пустого холодильника.

— Ну да, я же знаю, твои приключения — это шоколадки и вино за углом, — улыбнулась Сарина. — А ещё... у меня вдруг появилось подозрение, что кому-то из нас понадобится средство против оборотней.

— К счастью, только если этот оборотень любит кость повкуснее, — парировала Ренна, выуживая из сетки большую бутылку полусухого. — Я бы взяла сыр для тебя и... — она задумчиво оглядела прилавок. — ...и вот ЭТО для своего нового квартиранта.

С полки Ренна стащила огромный пакет корма с мордой счастливой собаки на обложке. Поставила его в тележку с таким торжеством, будто покупала билет на курорт.

— Боюсь спросить, — хихикнула Сарина, — ты переквалифицировалась в собачью маму за одну ночь?

— Ты не представляешь, какой там масштаб бедствия! — шепнула Ренна, подмигнув. — Этот парень съест полгорода, если дать волю. Всё к лучшему — теперь если придёт инспекция, скажу, что мой холодильник работает только на корма и пироги.

Сарина старалась не расхохотаться — слишком тихо было в магазине, каждый шёпот отдавался эхом. Она поймала себя на том, что снова чувствует лёгкость, что от смеха внутри становится немного теплее.

— Надеюсь, этот пёс твой не пересчитает все мои косточки, — добавила она, перекладывая сыр и виноград в корзину. — А то так и вижу: вы ночью вдвоём разбираете трофеи, спорите, что круче — сосиски или печенье.

— Вот-вот, — сказала Ренна, складывая покупки на кассу. — Если что, обвиняй только меня — у меня теперь передозировка заботы и хвостатых проблем.

Они вышли в тёмный, слегка парящий воздух, дождь уже почти стих. В руках у каждой — по пакету, полному чуть глупых мелочей, с привкусом будущего уюта.

— Давай, Сари, сегодня у нас не просто ужин, а операция по спасению... ну хотя бы дурного настроения.

Сарина улыбнулась — усталость исчезла, осталась только радость возвращаться не в пустую квартиру, а туда, где её ждут, где вечер обещает что-то незнакомое, но не пугающее.

Дверь захлопнулась за их спинами. Ренна первой шагнула в квартиру, поставила пакет на пол и замерла, внимательно оглядываясь. Сарина вслед сняла ботинки, наблюдая за её реакцией.

— Сейчас, погоди, — бросила Ренна через плечо. — Надо проверить, не разнесли ли тут всё по кусочкам.

Она быстро прошла в комнату, где утром оставила пса — у батареи, на старом пледе. Место пустовало. Не было ни следа ни огромной белой туши, ни даже шерсти на ковре. Всё выглядело так, будто собака и не ночевала здесь вовсе.

— Не поняла... — растерянно пробормотала Ренна, быстро осматриваясь по углам и заглядывая за мебель.

Сарина сдерживает улыбку: — Ну? Ты точно не придумала? Может, собака была частью грандиозного миранпесского сна?

— Очень смешно, — буркнула Ренна, — он был огромный, не могла же я его потерять в собственной квартире!

Она, не найдя пса ни в спальне, ни в ванной, вернулась на кухню, хлопнула себя по лбу и театрально добавила: — Ладно. Мог бы хоть записку оставить, если удрал.

Сарина, присаживаясь на диван и наблюдая за подругой, вставила: — Если дальше пойдут такие фокусы, я тебя точняк к врачу поведу.

Именно в этот момент позади них послышался лёгкий шероховатый звук — кто-то большой и осторожный ступил по полу. Обе девушки обернулись: из коридора, словно появившись из ниоткуда, в проёме замер белый пёс и внимательно посмотрел на них янтарными глазами.

— О, здравствуйте, призрак! — с облегчением выдохнула Ренна и, стуча пальцами по пакету с кормом, добавила: — Я уж испугалась, что зря таскала этот мешок.

Пёс, как ни в чём не бывало, подошёл и сел у ног девушек, молча выдержав паузу.

Сарина усмехнулась: — Вот теперь я официально согласна: такого точно не могло произойти.

Пёс некоторое время сидел, не двигаясь, потом медленно склонил голову вбок, внимательно наблюдая за Сариной. Было ощущение, будто он не просто смотрит, а разгадывает что-то в её лице — спокойно, очень пристально, не по-собачьи осмысленно. Одно ухо чуть вздрогнуло, взгляд стал ещё изучающим, будто он не только видел, но и слушал то, что не происходило вслух.

С некоторым осторожным достоинством пёс обошёл кругом мягкий, низкий диван, на котором устроилась Сарина. За его движением следило её беспокойное, невольное внимание. Временами казалось, что пёс выбирает траекторию не ради любопытства или страха, а словно проверяет границу чьей-то территории, втягивает носом чужой воздух, пытаясь запомнить новую ноту в привычной тишине дома.

Он вернулся обратно и сел прямо напротив Сарины, оказавшись неожиданно близко. На миг между ними повисло мимолётное, почти осязаемое напряжение, словно он узнавал её среди всех возможных людей — вглядывался пристальнее обычного, различал что-то своё за её глазами.

Сарина подняла брови, подавленно улыбнулась, будто не решаясь пошутить:

— Ну здрасте, товарищ Царственная Шерсть... Я теперь под подозрением?

Пёс не шевельнулся, только вдохнул глубже, как будто хотел навсегда оставить этот запах в памяти, и медленно опустил голову, взгляд его стал спокойнее — но всё равно остался напряжённым, как у хранителя, который только недавно выбрал своего хозяина.

Ренна, наблюдая со стороны, со смехом произнесла:

— Кажется, он одобрил тебя.

Ненадолго в комнате сохранилась лёгкая, едва тревожная тишина — как перед чем-то новым, что ещё не получило имени.

Сарина, чуть опомнившись от пристального взгляда незнакомца, осторожно протянула руку и погладила пса по широкой тёплой голове. Он не сдвинулся с места, лишь чуть прищурился, будто размышляя, можно ли доверять новой знакомой, но позволил ладони скользнуть по густой светлой шерсти.

Ренна тем временем уже занялась вином — угнездилась у кухонной стойки, ловко распознала два бокала, разлила по ним густое бордовое. Голос её звучал шутливо, легкомысленно:

— Знаешь, Сари, если бы мой хозяйственный талант распространялся и на брачные обещания, я бы давно уже выдала тебя замуж за кого-то поприличнее. — Она показательно взглянула на пса и добавила с ехидцей: — Вот хоть бы за такого красавца! По крайней мере, лает реже, чем твой.

Пёс дернул ухом, насторожился, будто вслушиваясь, и на секунду застыл, внимательно вглядываясь в обеих. Сарина рассмеялась — немного смущённо, но не горько, как ещё вчера.

— По крайней мере, не напомнит о не вынесенном мусоре, — продолжала она, пересыпая в миску купленный корм. Гранулы застучали, пёс чуть склонил голову, будто оценивал жест.

— И уж точно не спросит, зачем ты опять так поздно пришла, — добавила Ренна, вставляя миску на то место у батареи, где недавно обитал их новый знакомый.

— Да, пожалуй, — кивнула Сарина чуть печально. Она вернулась к столу, взяла бокал.

Вино, сыр, парочка купленных наспех пирожных и виноград быстро наполнили стол неустроенным, но уютным беспорядком. Ренна первой чокнулась с подругой, подняла бокал:

— За то, что у мы есть друг у друга!

В гостиной ожила музыка — Ренна выбрала её привычно легко, раскрутив подборку старых песен, которые звучали на их студенческих вечерах. Сарина едва заметно подыгрывала мелодии — всё ещё немного напряжённая, но уже смеющаяся самой себе.

Пёс ел неспешно, чуть повернув голову, но иногда бросал долгий взгляд сначала на одну подругу, потом на другую — будто пытался понять, какие ещё ритуалы будут происходить сегодня в этом странном доме.

Музыка негромко лилась из колонки, создавая ровный фон для разговоров. Ренна рассказывала очередную байку о странных клиентах галереи — как однажды мужчина два часа доказывал, что может отличить подделку по запаху масляной краски. Сарина смеялась вполголоса и уговаривала Ренну налить ей ещё вина, чтобы не сталкиваться с воспоминаниями, которые лучше оставить за порогом.

Пёс ел неторопливо, поглядывал на миску, потом на девушек. Он словно не понимал до конца, как здесь принято — иногда всё же поглядывал на входную дверь, будто ждал появления ещё кого-то, невидимого для остальных.

На столе скапливались грязная посуда, коробка с пирожными уже опустела, обе чаще перебрасывались незначительными, но для них чрезвычайно ценными фразами — про старых знакомых, про детские мечты, про то, как странно вдруг оказаться в своём доме втроём, если считать каждого.

Ренна глядела на Сарину с какой-то тихой заботой и с удовольствием наблюдала, как напряжение в подруге понемногу уходит, уступая место привычной лёгкости. Сарина время от времени тянулась ладонью к голове пса, и он теперь не отстранялся, позволяя себя гладить, будто признавая её частью этого вечера.

Когда стрелки на часах зашкалили за полночь, подруги поняли, что давно пересекли границу между простым ужином и серьёзным застольем. Изрядно повеселевшие, они кое-как собрали с дивана одеяла и подушки — Сарина устало зевала, а Ренна уже хваталась то за край стола, то за дверную ручку, отпуская пьяные шуточки, от которых невозможно было не улыбнуться. — О, давай у меня — как в старые добрые, — Ренна на ходу атакующе обняла подругу, — только ты мне больше на ухо не храпи как тогда в лагере! — Ну-ну, сейчас проверишь, у кого нынче музыкальный талант... — поддела её Сарина, с трудом выговорив слова сквозь смех. Они наперебой пытались переодеться: Сарина уже вышла из ванной, а Ренна в этот момент запуталась в штанах и рухнула боком прямо на кровать, радостно выкрикнув: — Спасай бельё! Во имя красоты и порядка! — и чуть не сбила обе подушки на пол. Сарина прыснула от смеха так, что уронила свою футболку и, давясь хихиканьем, заползла под одеяло. Полминуты спустя они лежали бок о бок — уткнувшись лбами в общий ворох подушек, смеясь и шепча всякие глупости, как когда-то в детстве на даче. — Знаешь, — пробормотала Ренна уже вполусне, — а твой Ярл сегодня даже не позвонил. Не хватает его строгости для завершения вечера... Сарина беззлобно хихикнула, натягивая на подбородок одеяло: — Он? Да он, наверное, весь занят... очередной теорией семейного счастья, только, видимо, с новой любовницей в качестве ассистентки. — Главное, чтобы тебя ночью не перепутал... вдруг ещё позвонит не тому? — глухо прокомментировала Ренна, зевнув во всю ширину. Сарино хихиканье ещё долго вкрадывалось под одеяло, пока сон медленно обволакивал обеих полутёмной, безопасной тишиной съёмной квартиры. За дверью послышался тяжёлый шаг — пёс осторожно улегся у порога, будто взял ночное дежурство добро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.